

В этот миг невозможно было разобрать: то ли это ослепительно прекрасная картина ожила и приняла человеческий облик, то ли сам человек своей чарующей красотой затмил любое живописное полотно?

Чжуан Цзянь был безмятежен и расслаблен, но его напор ощущался отчетливо, словно жаркий огонь. Его сила, мягкая и обволакивающая, подобно неодолимому потоку, что обрушивается с гор, не желала отпускать свою добычу. Лю Юби, чьи черные волосы, словно шелк, разметались по парчовой кушетке, следовал его движениям, то и дело вздрагивая, принимая его глубокие, мерные толчки. Его тело невольно вторило каждому движению партнера, раскачиваясь в экстазе, а лицо расслабилось, став подобным нежному цветку, раскрывающему свои лепестки. Подобное чувство — пустота в груди, сменяющаяся блаженством и ощущением, будто душа, лишившись земной опоры, оседлала попутный ветер и вознеслась напрямик в девять небес.

Это любовное упоение казалось истинным слиянием сердец и желаний. Их близость длилась бесконечно долго, не зная усталости. В беспмятстве они меняли позы, сплетаясь в объятиях, будто погружаясь в недра гор Ушань. Шеи, обвитые руками, тела, сцепленные в страстном ритме — эти движения, то стремительные, то медленные, не поддавались описанию; в их сладостной неге не было места словам.

Один — пылкий, решительный, врывающийся в самую глубину, полный неукротимой энергии, не желающий останавливаться. Другой — охваченный любовью, переносящий свои чувства на все, что связано с возлюбленным, находя в этом невыразимое, щемящее наслаждение, подобное легкому прикосновению комариного крыла к коже или нежному касанию веника, от которого по телу разливается истома.

Это дивное состояние напоминало гармонию внутри собственного тела: каждый орган, каждая частица души пребывали в полнейшем покое. Казалось, будто все тридцать шесть тысяч пор на теле вкусили бессмертного нектара, и каждая из них источала блаженство.

Наследный принц полуприкрыл глаза, погруженный в пучину неги. В полузабытьи он смотрел на лицо Чжуан Цзяня и находил его невероятно, неземным образом прекрасным. В свете ламп, словно любясь цветком в ночной тишине, принц прошептал, не отдавая отчета своим словам: Ты Ван Цзыцзинь, играющий на бамбуковой флейте среди облаков, или, быть может, великий поэт Сун Юй?

Чжуан Цзянь тихо ответил: Я лишь простой смертный, без имени и чинов. Считаю это сном о падающих лепестках.

Сердце принца дрогнуло, в его глазах блеснули слезы: Когда-то я видел человека — в обычные дни он казался заурядным, но в сиянии лунного света становился подобен божеству. Тот образ навсегда врезался мне в память. Чжоу Вэйчжуан, ты — дар небес, ниспосланный мне, как же я могу отринуть тебя, приняв за мимолетный сон? Сказав это, он погрузился в глубокий сон.

Чжуан Цзянь смотрел на него при свете ламп: облик принца, такой сияющий и пленительный, заставлял испытывать к нему нежность, от которой невозможно было отказаться.

Спустя долгое время он протянул руку и сжал ладонь принца.

Луна взошла над западной башней, сияя сквозь века.

Снег и холод, долгие ночи в одиночестве. Одному коротать их тяжело, но вдвоем можно пережить любые сумерки и рассветы.

Этой ночью тепло близости было уже великим даром, и неважно, что ждет завтра в холоде и бурях.

Глава четвертая

Чанъань, столица династии Хань.

От начала осени до глубокой зимы и первых весенних дней минуло немало времени. Уже два месяца император Фэн-ди Лю Мин не появлялся при дворе, чтобы вершить государственные дела. Каждый день он проводил в Запретном дворце, пытаясь излечиться от недуга. Из Приказа императорских экипажей, где находились лекари, доходили вести: болезнь Фэн-ди затянулась, перейдя в неизлечимую стадию. Недуг уже укоренился — лечить его поздно, как поздно рыть колодец, когда мучает жажда, или ковать оружие, когда уже началась битва. Сейчас усилия медиков были лишь попыткой исполнить долг, не более.

Болезнь императора пошатнула устои государства, слухи и сплетни захлестнули рынки и улицы, и Чанъань зашатался, словно судно в шторм. Дворец и залы заседаний опустели: наследный принц Лю Юй и великий маршал ЦАО Дэ покинули столицу, направившись в Сяньян. Оставшиеся чиновники и военачальники пребывали в растерянности.

С тех пор как наследный принц уехал, Фэн-ди пребывал в своих покоях. Помимо визитов правого канцлера, он больше никого не принимал — ни министров, ни наложниц. Ворота Запретного дворца были наглухо закрыты, вестей изнутри не поступало. Стража Приказа императорских экипажей сменилась, атмосфера стала напряженной, а у ворот дворца замаячили незнакомые лица.

Кроме канцлера Цинь Сэня, никто из чиновников не мог добиться аудиенции, и вот уже пять дней из дворца не доходило ни единого слова. Эта неопределенность взбудоражила столичные круги, словно камень, брошенный в застоявшееся озеро, предвещаая грядущие перемены и смуту.

Суд Дали.

В ту ночь снега не было, лишь проливной дождь барабанил по иглам сосен. Звук капель, ударяющих по ветвям, напоминал шелест тысяч шелковых нитей.

В главном зале Чжунмин было тихо и сухо. Чжан Цанлин, генерал, охраняющий западные рубежи, чьи войска были расквартированы в тюрьмах при суде Дали, нанес визит Ло Аошэну. Хотя Ло Аошэн по натуре был человеком нелюдимым, отказать соседу он не мог. После

скромной трапезы Чжан Цанлин, разглядывая узоры на ширмах и изучая свитки, не спешил прощаться.

К вечеру ветер усилился, и холодный зимний дождь забарабанил по деревьям еще настойчивее.

Оставалось лишь жечь свечи и слушать шум дождя, что само по себе имело особую прелесть. Ло Аошэн читал книгу, а Чжан Цанлин играл с правым канцлером в обла. Оба играли посредственно, но находили удовольствие в глубоких раздумьях над каждым ходом. Так они и сидели, перестукиваясь камнями, ведя свою негласную войну на бумаге.

Свечи в зале горели ярко, время от времени потрескивая, отчего тени на стенах плясали в такт пламени. Ло Аошэн опустил глаза в Хань Фэй-цзы, но долго не мог перелистнуть страницу.

Внезапно слуга, стоявший на коленях за дверью, доложил: К вам просят аудиенции.

Ло Аошэн поднял взгляд: Кто?

Пришедший называет себя бывшим помощником великого маршала.

Ло Аошэн ответил коротким возгласом и бросил взгляд на Чжан Цанлина. Тот, изображая удивление, сделал вид, что ничего не слышал, и вновь склонился над игровым полем. Ло Аошэн поднялся и медленно прошелся по залу. Его длинный халат с шорохом волочился по каменному полу, и этот звук, казалось, давил на нервы всех присутствующих.

Спустя некоторое время Ло Аошэн произнес: Великий маршал сейчас в Сяньяне, а цели его приближенного мне не ясны, да и визит в столь поздний час не соответствует правилам приличия. Не принимать.

Правый канцлер понимал: великий маршал не раз искал расположения главы суда Дали, и за этим наверняка что-то скрывалось. Чжан Цанлин, хоть и был человеком военным, обладал проницательным умом и про себя усмехнулся: Ло Аошэн действительно был мастером изворотливости. Как он умудряется учитывать каждую деталь, не допуская ни единой ошибки?

Ло Аошэн обменялся взглядами с правым канцлером — оба поняли, что спокойной ночи им не видать.

И действительно, вскоре за дверью снова раздался голос стражника: Канцлер Цинь Сэнь прислал человека с просьбой о встрече с главой суда Ло.

Ло Аошэн отложил книгу и холодно произнес: У нас с канцлером Цинь Сэнем нет ни дел, ни дружеских отношений. Подобный ночной визит может вызвать лишние кривотолки. Если есть что сказать — пусть придет завтра утром. Не принимать.

Это был уже второй гость, получивший от ворот поворот.

Чжан Цанлин, положив камень, почувствовал искреннее восхищение. Должность главы суда Дали всегда была одной из самых влиятельных, а в руках Ло Аошэна сосредоточилась невероятная власть. В его подчинении были тысячи тюремщиков и чиновников, он мог влиять на правосудие по всей стране. Это было сопоставимо с властью наместника провинции или крупного военачальника.

Более того, он умудрялся удерживать эту мощь прямо под боком у императора, в самом сердце Чанъаня, где содержание войск было строго ограничено. И прежний канцлер, и сам Фэн-ди доверяли ему безгранично.

То, что Ло Аошэн принимал это доверие, не вызывая подозрений императора, свидетельствует о его несравненном мастерстве и умении скрывать свои амбиции. На его месте другой человек давно бы вызвал гнев монарха.

Неужели у него совсем нет изъянов?

Только он об этом подумал, как снаружи вновь доложили, на этот раз запинаясь: Господин глава суда, к вам... снова просят... аудиенции!

Ло Аошэн отложил книгу. Похоже, почитать сегодня не удастся. Дождливая ночь, а люди вместо теплого дома один за другим обивают порог тюрьмы. С чего бы это он стал таким популярным?

Он вздохнул: Это посланник императрицы?

Стражник побледнел и пробормотал: Так точно, главный евнух дворца императрицы просит о встрече!

Ло Аошэн посмотрел сквозь дождевую завесу. В конце коридора уже показался главный евнух, спешно приближающийся к залу.

Чжан Цанлин про себя усмехнулся: Ну что, Ло Аошэн, нашелся-таки человек, которого ты не можешь выгнать?

Главный евнух императрицы шел не один, с ним был Цай Вансунь. Они уже стояли у входа в зал, где восемь створок дверей были распахнуты настежь. Евнух кашлянул и собрался переступить порог.

Ло Аошэн, сохраняя спокойствие, стоял в центре зала. Он поднял правую руку, и четверо стражников с мечами тут же преградили путь, схватив главного евнуха за руки.

Евнух вытаращил глаза и раскрыл рот, собираясь закричать: Ты смеешь идти против воли императрицы?

Ло Аошэн оборвал его: Молчать.

Стражники тут же плотно прижали к лицу евнуха пропитанную водой бумагу. Тот отчаянно забился, но руки были заломлены за спину, и он не мог издать ни звука. Молодой князь Цай, увидев это, не дожидаясь грубости, сам закрыл себе рот рукой.

Ло Аошэн холодно произнес: Воля императрицы священна, и я обязан ей следовать. Однако сейчас ночь, трудно разобрать, истинный ли это указ. Завтра утром я сам отправлюсь во дворец, предстану перед императором и, получив подтверждение, принесу свои извинения императрице. Прошу главного евнуха проявить терпение.

Евнух вытаращил глаза, не веря своим ушам.

Ло Аошэн добавил: Ночь темна, дождь усиливается. Прошу главного евнуха подождать здесь, пока не стихнет непогода. Стража тут же принесла два кресла и поставила их в коридоре. Главного евнуха и князя Юнпина усадили под стражу, не позволяя им сделать ни шагу назад.

Главный евнух обливался потом, сидя в кресле, не в силах вымолвить ни слова.

Князь Юнпин Цай Вансунь, поняв, что ситуация обернулась против них, покорно сидел, закрыв рот.

Чжан Цанлин едва сдерживал смех, восхищаясь Ло Аошэном. У него нашлись и смелость, и методы, и расчеты, чтобы провернуть такое. Не слушать пустого, не навлекать на себя беду — его способы избежать катастрофы были поистине виртуозны.

Дождь за окном превратился в водопад.

Ло Аошэн вернулся в свое кресло, невозмутимо отпил чаю. Цай Вансунь с отчаянием смотрел на него, не смея пошевелиться.

Затем глава суда перевел взгляд на правого канцлера и Чжан Цанлина. Последний, вспомнив их прошлые общие походы по увеселительным заведениям, лишь развел руками. Князь Цай горько усмехнулся. Как же быть?

Внезапно он жалобно посмотрел на правого канцлера.

Тот не выдержал: Маленький князь, прошу вас, молчите, иначе мы будем вынуждены заткнуть вам рот!

Ло Аошэн нахмурился, чувствуя недоброе.

И действительно, князь Цай не преминул воспользоваться моментом: Молчать-то я могу, но прошу, примите в здание ребенка. Дождь холодный, малыш не вынесет такой стужи.

Правый канцлер осекся, поняв, что совершил ошибку. Стоило начать, и остановиться было уже невозможно. Несколько человек бросились к князю, чтобы закрыть ему рот.

Князь был в восторге, его слова летели быстрее рук стражников: Сын Чжоу Вэйчжуана... не вынесет такой погоды...

Слов было достаточно. Они пронзили сердце Ло Аошэна, как стрела. Он вскочил, его лицо изменилось. Он стоял перед великим маршалом, правым канцлером и даже императрицей, не дрогнув, но упоминание сына Чжоу Вэйчжуана выбило его из колеи.

Ло Аошэн замер в центре зала, мысли лихорадочно крутились в голове.

Сын Чжоу Вэйчжуана?

У князя Цая?

Откуда у него сын?

И что он делает здесь?

Стоило ему поддаться этим мыслям, как поток сомнений прорвал плотину.

Люди набросились на Цай Вансуня, затыкая ему рот. Тот больше не сопротивлялся — своего он добился. Он упорно смотрел прямо на Ло Аошэна.

Оказывается, три иероглифа Чжоу Вэйчжуан действовали лучше любого императорского указа.

Лицо Ло Аошэна помрачнело.

Один неверный ход — и вся партия проиграна. И всё из-за этого Чжоу Вэйчжуана.

Этот человек, словно демон, преследовал его повсюду, его имя звучало в ушах, вызывая гнев и головную боль. Чжоу Вэйчжуан — как же это имя тяготило его!

Эти три слова накликали на него столько неприятностей. Почему даже после своего ухода этот мерзавец продолжает доставлять столько хлопот?

Ло Аошэн взял себя в руки и взглянул на правого канцлера. Тот немедленно приказал привести стражников из свиты князя, и среди них действительно оказался мальчик лет

двенадцати-тринадцати.

Князь Цай, видя это, замолчал. Ло Аошэн выдохнул и спросил: Как тебя зовут?

Чжоу Фу, сонный и напуганный, стоял в ярко освещенном зале. Рядом с ним, связанный и с кляпом во рту, находился единственный знакомый ему человек — князь Цай. Мальчик дрожал, глядя на Ло Аошэна.

Несмотря на страх, он поклонился, как подобает: Моя фамилия Чжоу, зовут меня Чжоу Фу. Моего отца зовут Чжоу Вэйчжуан.

Ло Аошэн кивнул: Как ты здесь оказался?

Чжоу Фу честно ответил: Отец велел мне уехать в деревню. Но через некоторое время наследный принц велел князю Цаю привезти меня обратно в столицу и поселил во дворце.

Ло Аошэн все понял: Чжоу Вэйчжуан, собираясь бежать, спрятал сына, но коварный принц выследил мальчика, чтобы использовать его как рычаг давления.

Что было потом?

Чжоу Фу украдкой взглянул на князя Цая, который с сочувствием смотрел на него. Мальчик был на редкость честным — в нем не было ни капли хитрости отца.

Чжоу Фу продолжал: Потом наследный принц сказал, что уезжает на полмесяца, и поручил меня заботам императрицы. Последние дни императрица все время плакала из-за императора, во дворце начался хаос. Сегодня вечером она внезапно пришла ко мне, велела переодеть меня в евнуха и отправить в дом князя Цая.

Ло Аошэн пришел в ярость. Как он ни старался избежать этой истории, она все равно его настигла. Этот проклятый Чжоу Вэйчжуан!

Он сказал: Раз так, я велю отправить тебя к отцу.

Чжоу Фу поблагодарил его, но, сделав пару шагов, оглянулся на князя Цая. Он спросил: А можно отпустить князя Цая и главного евнуха тоже?

Ло Аошэн ответил: Нет.

Чжоу Фу замялся: В таком случае, я тоже не поеду к отцу.

О? — Ло Аошэн приподнял бровь.

Чжоу Фу сказал: Мы приехали вместе. Вы отпускаете меня одного, но я не могу бросить их здесь.

Ло Аошэн посмотрел на него: Ты хочешь разделить их участь и попасть в тюрьму?

Мальчик испугался, взглянул на князя Цая и уверенно произнес: Наследный принц был добр ко мне, императрица заботилась обо мне, евнух помог мне выбраться, а князь Цай обещал найти отца. Они все были добры ко мне. Я не могу бросить их ради собственного спасения.

Евнух и князь Цай переглянулись, чувствуя укол совести.

Ло Аошэн внимательно разглядывал мальчика: Ты хочешь разделить с ними их беду?

Чжоу Фу, дрожа, громко ответил: Отец учил меня: отвечай добром на добро, и сердце будет спокойно. Я должен поступать по-доброму. Если я сбегу, бросив их в беде, разве я не стану плохим человеком?

Ло Аошэн кивнул: Справедливо.

Он внимательно всмотрелся в лицо Чжоу Фу, и в его глазах промелькнула теплота: Чжоу Фу, тебя зовут Чжоу Фу?

Да.

Тебе четырнадцать?

...Да.

Ты не похож на отца. Он говорил, что ты похож на мать?

...Да...

Ло Аошэн опустил глаза и посмотрел на свои руки. Он едва заметно улыбнулся: Ты десять лет жил в Сяньяне и никогда не видел матери? Он сказал, что она умерла, когда тебе было три года? Ее фамилия Чжан? Он заставлял тебя много учиться, чтобы стать добродетельным чиновником? Чтобы ты защищал народ и страну? Чтобы ты был честным, добрым и не знал убийств?

Твой отец просил тебя стать хорошим человеком, верно, Чжоу Фу?

Мальчик вытаращил глаза, не зная, что ответить. Остальные в зале тоже были ошеломлены.

На лице Ло Аошэна проступила нежность. Он поднял взгляд на дождь за окном и прошептал: Этого ты добивался, Чжоу Вэйчжуан? Это была твоя истинная цель?

Бог любит троицу. Сегодняшняя ночь — последняя черта.

Ло Аошэн поднялся и сел в кресло. На его лице появилась улыбка — мягкая, но решительная: Ко мне! Собрать всех стражников тюрьмы, с моими указами вызвать войска генерала Чжан Цанлина и отряд столичного префекта. Посмотрим, что затеял канцлер Цинь Сэнь, перекрыв пути к дворцу!

Долгая ночь, одиночество не дает уснуть.

Чжуан Цзянь смотрел на спящего Лю Юби. Он замер, любуясь им. В этот миг время остановилось. В душе Чжуан Цзяня бушевала буря чувств.

Во сне Лю Юби почувствовал влагу на лице и открыл глаза. В комнате было пусто. Желтый халат мелькнул в дверях — Чжуан Цзянь исчез.

Принц в ужасе вскочил, наспех оделся и выбежал наружу.

В лунном свете, на склоне горы Цзюцзюнь, он увидел фигуру в желтом — это был Чжоу Вэйчжуан. Лю Юби собрался с мыслями и поспешил следом.

Горные тропы петляли. Чжуан Цзянь, опустив голову, свернул на узкую дорожку.

Впереди открылся простор.

Небо, словно черный купол, нависло над землей. Вдалеке виднелись высокие колонны из белого нефрита. Нефритовые перила, статуи зверей перед храмом, каменные воины у гробниц, изваяния лошадей и людей. С обеих сторон тянулись стены с изображениями духов, воинов, колесниц, процессий наложниц и слуг. Перед входом в усыпальницу возвышались каменные террасы и ворота. Могильный холм, обложенный тесаным камнем и окруженный кирпичной стеной, уходил вглубь горы.

<http://bllate.org/book/21149/2144288>